

Екатерина ВИЛЬМОНТ

СЕКРЕТ ЗЕЛеной ОБЕЗЬЯНКИ

Екатерина Николаевна Вильмонт

Секрет зеленой обезьянки

Серия «Сыскное бюро «Квартет»», книга 12

*Текст книги предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=120223
Секрет зеленой обезьянки. Роман: АСТ; Москва; 2020
ISBN 978-5-17-107745-7*

Аннотация

Ася уже целый год живет в Париже. И там ходит в школу. Все, казалось бы, хорошо – кругом столько всего интересного, да и любимый дед рядом. Но ей так хочется повидать друзей, распутать какое-нибудь дело...

И тут неожиданно подарок судьбы: у Аси появляется возможность поехать в Москву!

Как же это здорово! К тому же у Матильды на днях будет премьера спектакля. Надо поддержать подругу!

Что ждет Асю и ее друзей? Неужели новое детективное расследование? И при чем тут зеленая обезьянка на лобовом стекле иномарки?!

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	21
Глава 3	35
Глава 4	50
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Екатерина Николаевна Вильмонт Секрет зеленой обезьянки *Роман*

* * *

© Вильмонт Е. Н., 2020

© ООО «Издательство АСТ», 2020

* * *

Дорогие мои читатели! Вы часто пишете, что вам хочется читать мои детективы, а их нет в магазинах... Так вот, издательство АСТ решило выпустить все три цикла этих детективов.

Хочу заметить, что действие всех книг происходит в девяностые годы, когда еще и компьютеров почти ни у кого не было, и сотовых телефонов, и деньги были другие, и собственно, и вся жизнь другая... Но дело ведь не в этих деталях, а в том, что дружба, верность, порядочность не зависят от эпохи, они просто есть или нет. А это зависит от людей.

Вот и все, что я хотела сказать!

Екатерина Вильмонт

Глава 1

Не было бы счастья...

– Ася тебе письмо от Матильды! – сообщила Ниночка, едва я переступила порог квартиры, и протянула мне типично российский конверт, на котором изображена ветка цветущей яблони и надпись «Праздник весны и труда».

Скоро уже год, как я живу в Париже, у деда и его жены Ниночки. Мой дед – знаменитый оперный певец Игорь Потоцкий. Сначала я безумно тосковала по Москве, по маме, папе, тете Липе, по всем друзьям, а особенно, конечно, по Мотьке, но после путешествия по Италии мне скучать и тосковать было уже некогда. Все свободное время я проводила со своим другом Аленом, который старался говорить со мной только по-французски, так что через два месяца я уже здорово разговорилась, тем более что он и от своей сестры, моей подружки Николь, требовал того же. Поначалу я злилась, раздражалась, а потом... заговорила, а куда денешься? И Ниночка тоже два часа в день занимается со мной французским, словом, меня взяли в оборот! А еще я два раза в неделю играю в теннис, и это доставляет мне огромное удовольствие. Но, взяв в руки Мотькино письмо, я чуть не взвыла, так мне захотелось в Москву. Я побежала к себе в комнату и вскрыла конверт. Мотька накатала подробное пись-

мо. Главной новостью было то, что Лика прожила у Матильды всего лишь месяц, а потом вышла замуж за Федора, частного детектива, с которым ее познакомила летом бабушка Олега. Но зато теперь у Матильды поселилась ее двоюродная сестра из Харькова Степанида, девчонка двенадцати лет. «Представляешь сочитаньице, Матильда и Степанида? – писала Мотька. – Просто черт знает что! Но мне ее жалко, она хорошая девчонка и в таком возрасте осталась совсем одна. Мать у нее давно умерла, а теперь вот дядя Сема, ее папа, подался на заработки в Канаду... Ну я и предложила, пускай поживет у меня! Все-таки веселее. Она теперь тоже в нашей школе учится. Ее, конечно, дразнят из-за имени... И что за дела, кому в голову взбрело назвать девочку Степанидой? Хотя, Матильда, по-моему, еще хуже... Но ничего, она умеет за себя постоять... А еще, Аська, есть у меня одна новость, узнаешь, обалдеешь, только я пока ничего писать про это не буду, из суеверия... Боюсь сглазить! Прости, подруга, что я ничего не объясняю, но я боюсь... Если все получится... Ладно, замнем для ясности!»

Нет, это все-таки форменное безобразие – так заинтриговать человека и ничегошеньки не объяснить! Я понимаю, Мотьку от ее новости распирает, а написать она боится, дурища! Тоже мне проблема, поплевала бы через левое плечо – тьфу, тьфу, тьфу, чтоб не сглазить, постучала бы по дере-

ву! Так нет же! Видно, это что-то очень важное! А я, кажется, догадываюсь, наверное, ее пригласил на кинопробы режиссер Лутовинов, с которым мы познакомились прошлым летом. Он обещал Мотьке, что если найдет деньги на новый фильм... Да, конечно, я уверена, что именно в этом дело! Матильда с раннего детства мечтает стать актрисой, так мечтает, что даже обратилась в агентство «Путь к славе», оказавшееся не просто шарашкиной конторой, но и гнездом преступников. Ну что ж, Матильда, храни свою тайну, подумала я, только я-то все прекрасно понимаю! Дальше Мотька писала о наших общих друзьях и знакомых и лишь в самом конце сообщила: «У меня, между прочим, брат родился! Хорошенький! Я ужасно боялась, что мама его каким-нибудь Робертом или Фердинандом назовет, но, слава Богу, его называли... Угадай как? Игорем! В честь твоего деда! Здорово, правда? Эх, Аська, если бы ты на зимние каникулы в Москву приехала. Как было бы здорово! Потому что я не знаю, если все получится, я вряд ли смогу к тебе на пасхальные каникулы приехать, так дела складываются... А может, ничего и не выйдет, тогда приеду! Ну все, пока, подруга! Твоя Матильда».

– Ну что Матильда пишет? – спросила Ниночка за обедом.

Мы сидели за столом вдвоем. Дед улетел на два дня в Мадрид, петь «Бориса Годунова».

Я рассказала Ниночке про московские новости.

– Как ты думаешь, что за тайна у нее?

– Полагаю, ты права, она скорее всего будет сниматься в кино. Твой дед уверен, что у нее большое будущее!

– Я знаю, – вздохнула я.

– Какие у тебя планы на Рождество? – спросил меня Ален, когда мы вечером встретились, чтобы пойти в театр.

– Не знаю, до Рождества еще больше двух недель. А что?

– Ничего, просто спросил. А почему у тебя глаза такие несчастные, Ася? – испугался он.

– Я хочу в Москву, – тихо призналась я.

– В Москву? А надежда есть?

– Почему я знаю? Ничего не говорят... Значит, вряд ли. А там у Матильды какие-то тайны...

– Знаешь, я тоже хотел бы попасть в Москву. Мне интересно, как-никак по отцу я русский...

Ален и Николь – дети Ниночкиного брата.

– Вот было бы здорово вместе туда поехать, – продолжал Ален, – только шансов маловато! У нас заведено Рождество встречать всей семьей... А у вас?

– У нас? У нас вообще Рождество не очень-то празднуют. Вот Новый год – другое дело! Его даже два раза встречают.

– То есть как?

– У нас же есть еще Старый Новый год!

– Ах да, я слышал... Интересно! А как его празднуют?

– Ну, у нас все праздники одинаково справляют – за столом! И чем больше еды на столе, тем лучше! Я знаю, что тут

принято в Новый год гулять по улицам... А у нас в двенадцать все сидят за столом.

– Но ведь это скучно!

– Скучно? Да ты что! Когда в Новый год все собираются вместе... Мама, папа, их друзья... Знаешь, как бывает весело! Вернее, бывало...

– А в прошлом году как ты встречала Новый год?

– Никак. Я была больна...

– Ничего, Ася, не грусти! Мы на Новый год непременно придумаем что-нибудь эдакое!

– Да что за радость – Новый год без снега!

Мне сейчас все было не в радость, так я хотела домой! Надо будет поговорить с дедом, когда он вернется... Но я даже не могла предположить, как все обернется. Недаром говорят – не было бы счастья, да несчастье помогло! Наша школа сгорела. Не дотла, но все-таки о занятиях не могло быть и речи. И нас на две недели раньше отпустили на Рождественские каникулы! В школе немедленно начали ремонт. Узнав об этом, дед позвал меня к себе.

– Что, ребенок, радуешься? Я тебя понимаю! Когда я в Консерватории учился, бывало, как сверну на улицу Герцена, все с надеждой смотрю, не горит ли моя Консерватория! – со смехом начал он. – Ну, что будем делать?

– Дед...

– Хорошо, поедешь!

– Что? Куда?

– Но ты ведь хотела попроситься в Москву? Или я ошибся?

– Ты самый лучший дед на свете!

– Надеюсь! Мы с Ниночкой посоветовались и решили, чем ты будешь тут без дела околачиваться, лучше езжай домой. Тем более, и Юра сейчас в Москве. (Юра – это мой папа, он гидробиолог и большую часть года «болтается в морях», как говорит мама.) Ну что, рада? Вот завтра же и полетишь!

– Завтра? – ахнула я.

– Ну да, а то Нинка мне уже донесла, что ты как письмо от Мотьки получила, так у тебя сделались глаза, как у больной собаки. А больных собак надо лечить!

– Дед! – завизжала я. – Ура! А ты уже в Москву сообщил?

– Нет еще, хотел сперва с тобой поговорить, а то вдруг мы с Нинкой ошиблись? Вдруг ты поменяла всех старых друзей на Алена? – лукаво улыбнулся дед. – Кстати, отличный парень, на мой взгляд!

– Да, Алэн очень, очень...

– Понимаю, он очень хороший, да?

– Да!

– Но это не любовь?

– Я не знаю...

– В таком случае вам даже полезно будет расстаться на некоторое время. Разберетесь в своих чувствах...

– Да, да, дед, только давай не будем нашим звонить?

– То есть как?

– Я им сделаю сюрприз! Обожаю сюрпризы! Представляешь, что будет с ними? Я позвоню в дверь...

– Ты любишь сюрпризы?

– Как будто ты не любишь?

– Обожаю! Помнишь, как я прилетел в Тель-Авив и ждал тебя у фонтана?

– Еще бы не помнить!

– Но как же ты доберешься до дому, если тебя никто не встретит?

– Я попрошу Олега, у него же машина!

– А он сможет?

– Надо позвонить ему.

– И он не проговорится?

– Нет, он надежный!

– В таком случае я сам позвоню ему и попрошу встретить тебя!

– Отлично, дед!

– И Матильду не предупредишь?

– Конечно, нет!

– Ну что ж, решено, я сейчас закажу билет, а вы с Ниночкой езжайте по магазинам, надо всем купить подарки!

Так мы и сделали. Набегавшись по магазинам, мы с Ниночкой вернулись домой, и дед сообщил мне, что билет заказан, с Олегом он переговорил, тот непременно меня встретит.

– Да, кстати, звонил Ален, я ему пока ничего не сказал.

– Почему?

– Потому что это не мое дело! Ты должна сама ему обо всем сказать.

– Да, верно, – согласилась я и тут же позвонила Алену. Он уже слышал по радио, что наша школа сгорела.

– Ален, я завтра улетаю в Москву! – радостно сообщила я.

– В Москву? – упавшим голосом переспросил он.

– Да! Дед сам мне предложил!

– И когда ты вернешься?

– Только через месяц. Я буду тебе звонить! Обязательно!

– Посмотрим. Ты одна летишь?

– Одна! И это будет сюрприз для всех!

– Значит, тебя никто не встретит?

– Олег!

– Олег? Кто это?

– Ты забыл? Это Мотькин парень, у него машина, ему дед уже позвонил! Ален... А ты меня проводишь?

– Тебя некому проводить?

– Почему? Просто я...

– Нет, извини, я не смогу, – сухо проговорил он.

– Почему? – растерялась я.

– Я в это время занят!

– Но ты даже не спросил когда!

– Это неважно, я завтра занят весь день!

– Ах вот как! Ну что ж, в таком случае, пока!

– Пока!

И он первым повесил трубку.

Он обиделся? Глупо! Огорчился? Еще глупее. Он должен был бы радоваться за меня... Но ему, наверное, грустно... А впрочем, мне сейчас не до него, решила я. Охота ему обижаться, пусть... А у меня еще столько дел!

И все-таки втайне я надеялась, что он приедет в аэропорт. Оказалось, напрасно надеялась. Провожала меня Ниночка. Она видела, что я озираюсь по сторонам...

– Ты кого-то ждешь? – спросила она. – Если Алена, то он сегодня очень занят... Я говорила с ним, он сказал, что...

– Я знаю, – перебила я ее. – Ну и пусть, занят так занят!

В самолете я сперва думала об Алене, но потом все мои мысли устремились домой, в Москву! Неужели уже сегодня я увижу маму, папу, тетю Липу? И узнаю наконец, что там за тайны у Мотьки. Может, Олег все мне по дороге расскажет... А еще я представляла себе, как звоню в квартиру и мне открывает тетя Липа! Что с ней будет! А вдруг откроет мама? От предчувствий у меня сладко замирало сердце. Но вот самолет пошел на посадку...

Олег ждал меня с букетом мелких белых хризантем. Я их обожаю.

– Олежка! Привет!

– Привет, Аська! Это все твои вещи? Ты молодчина, что приехала! Матильда будет просто счастлива!

– Ты ей ничего не сказал?

– Нет, я даже еще не говорил с нею после звонка Игоря Васильевича! Ну, здорово, я тоже страшно рад! Признавайся, это ты школу подожгла?

– Нет, но стоило бы...

И вот мы уже едем по ярко освещенному Ленинградскому шоссе. Я в моей любимой Москве! Ура!

– Олежек, что там у Мотьки, а? Она написала, что у нее какие-то события, но она боится взглянуть...

– А, – усмехнулся Олег. – События и вправду грандиозные, только пусть она сама тебе все расскажет, а то она мне голову оторвет, если я скажу...

– Олежек, миленький, ты хоть намекни! – взмолилась я. – Пойми, я ведь сегодня до нее вряд ли доберусь, скоро десять часов, пока то да се...

– Хорошо, – кивнул Олег, – только пообещай, что ты ей не скажешь... Сделаешь вид, будто впервые слышишь, договорились?

– Конечно, договорились!

– Ну, смотри! Дело в том, что ее пригласили в театр!

– Что значит пригласили? Кто пригласил?

– Ты слыхала про такого режиссера Меркулова?

– Меркулова? Его зовут Илья? Илья Меркулов?

– Точно!

– Ну?

– Так вот, этот Меркулов увидел Мотьку и сразу же при-

гласил ее в свой спектакль! У нее там практически главная роль.

– Мотька? Играет в театре?

– Ну, пока она только репетирует, но... В начале января должна быть премьера!

– Потрясающе! Вот здорово! А в каком театре?

– Антреприза Меркулова, сейчас это модно...

– Я знаю, мама тоже играет в антрепризе... Пстой, она с мамой будет играть?

– Нет, твоя мама играет в другой пьесе... Я видел, это здорово. Но помогла Мотьке, конечно, твоя мама... Она узнала, что Меркулов ищет актрису на роль девчонки и посоветовала ему посмотреть Матильду.

– Обалдеть! Но мама мне ничего не говорила...

– Наверное, по просьбе Матильды... Из суеверия. Она даже мне долго ничего не говорила. Она так волнуется, просто с ума сходит... А про Степку она тебе писала?

– Про Степку писала!

– Тоже подарочек!

– А что?

– Ну, это такая девчонка... Просто отпад! Уж не знаю, как Матильда с ней управляется. Черт в юбке! А Лика замуж вышла!

– Это я тоже знаю! А ребят наших ты видишь?

– Да! Митяя так даже часто. Он ведь тоже в университете учится. Костю, правда, я только один раз видел. А Валерка

частенько звонит. Надо будет нам всем собраться, на бабушкин фруктовый крем!

– А как бабушка?

– Нормально!

– Вы тут без меня ничего не расследовали, а?

– Нет, Аська, и, надеюсь, не будем! Хватит с нас! А вы с Матильдой даже в Париже и Риме умудрились кого-то поймать. Я тебя очень прошу, не надо! – засмеялся Олег.

– Постараюсь!

– Уж будь добра!

Мы тем временем свернули на Садовое кольцо. В Москве стояла настоящая зима. Мороз около десяти градусов, снег. Хорошо!

– Любишь ты, Аська, сюрпризы!

– Обожаю!

– А вдруг у тебя никого дома нет? Тогда что?

– Как это никого нет? А тетя Липа?

– Тетя Липа тоже может куда-нибудь уйти...

– Ничего, Олежек, я не пропаду в Москве! На худой конец поеду к тебе! Ты же меня на улице не бросишь?

– Это правда! – засмеялся Олег.

Но вот мы наконец въехали в наш двор. Я сразу глянула на окна. Окно кухни освещено, и окно комнаты родителей тоже. Порядок!

– Похоже, не придется тебе просить у меня приюта! – заметил Олег. – Я поднимусь с тобой, во-первых, вещи отнесу,

а во-вторых, охота мне поглядеть на лицо того, кто тебе откроет! По-моему, я заслужил эту привилегию!

– Заслужил, заслужил! – в восторге сказала я и выскочила из машины.

Мы поднялись на шестой этаж, и я позвонила в дверь. Лорд не залаял. Олег оттер меня от «глазка», чтобы не испортить сюрприз.

– Кто там? – раздался голос папы.

– Юрий Борисович, это я, Олег Седов!

Дверь распахнулась, и я вышла на первый план.

– Ася? – Папа от неожиданности даже попятился. – Ты сошла с ума!

– Папочка! – бросилась я к нему. – Папочка!

– Аська, откуда ты? Как? Почему? – ошалело спрашивал папа, сжимая меня в объятиях.

– Юра, кто там? – послышался голос тети Липы.

– К нам гостя!

Но тут вдруг откуда ни возьмись выбежал Мефистофель и с громким мяуканьем стал тереться о мою ногу. Лорд сидел рядом с растерянным видом.

– Боже мой! Аська! – закричала тетя Липа и кинулась ко мне. Но вдруг замерла. – Что с Игорем Васильевичем?

– Ничего! С ним все в порядке! Просто у нас сгорела школа. И они меня отправили в Москву. Ура! Я дома! А мамы нет?

– Мама в театре! Аська, да тебя не узнать! – восклицал

папа, внимательно разглядывая меня. – Но почему ты не сообщила?

– Сюрприз!

В нашей семье любили такие сюрпризы, и папа тоже не раз возвращался из своих экспедиций, никого не предупреждая. Теперь сюрприз ждет еще маму, а потом и Мотьку.

Олег, очень довольный, выпил с нами чаю и уехал. А я рассказывала папе и тете Липе о своем парижском житье-бытье, и мне было так хорошо, так уютно... Но вот в двери повернулся ключ. Я затаила дыхание. Это вернулась мама. Папа вышел ей навстречу.

– Таточка, ты очень устала? А у нас гости!

– Кто? – не без раздражения спросила мама.

– Одна дама, которую ты будешь рада видеть.

Но тут уж я не выдержала и выскочила в коридор.

– Аська! – взвизгнула мама и бросилась ко мне. – Аська, солнышко, откуда? Что-то случилось?

– Сгорела наша школа. И я приехала к вам. Я больше не могла, я так соскучилась!

– Как сгорела школа?

– Ну как? Там был пожар, понимаешь?

– Какое счастье! – воскликнула мама, крепко прижимая меня к себе.

Глава 2

Находка

Тетя Липа и папа уже ушли спать, а мы с мамой все не могли наговориться. Она засыпала меня вопросами о моей парижской жизни, и чем больше было этих вопросов, тем теплее становилось у меня на душе. Что греха таить, иной раз мне казалось, что маме совсем не до меня и она даже рада, что я далеко, в другой стране...

– Мамочка, как хорошо, что я приехала... Ой, мама, а что там у Мотьки? – спохватилась я. – Мне Олег что-то говорил, будто ты...

– Да, у Мотьки грандиозные успехи, она репетирует в антрепризе у Илюши Меркулова, помнишь его? Он от нее в полном восторге и скажу тебе по секрету, ты ей пока не говори, он подыскивает еще одну пьесу, где у нее опять была бы главная роль.

– Мама, но это же просто здорово! Значит, она действительно будет актрисой!

– Думаю, она будет настоящей звездой, я видела, как она показывалась Илье. Это было так талантливо, я даже подумала, что, наверное, такой была юная Алиса Коонен, когда показывалась Станиславскому... Помнишь, ты читала ее мемуары? Такие же огромные синие глаза, поразительный ар-

тистизм...

Господи, неужели это все о моей подружке Мотьке? Но когда же я теперь с нею увижусь? Утром она в школе, а потом, наверное, в театре...

– Мама, а она каждый день репетирует?

– Думаю, что да. У них же скоро премьера...

– Тогда я заявлюсь к ней утром, часов в восемь!

– А ты проснешься? – засмеялась мама. – Смотри, уже третий час!

– Ничего, будильник поставлю!

– Ну дело твое. В таком случае иди спать. Да и мне пора, завтра с утра на телевидение...

Без четверти восемь я уже выскочила из дому и помчалась к Мотьке.

– Кто там? – спросил незнакомый голос из-за двери.

– Степанида, открой, свои! – сказала я.

– Кто свои?

Она произносила «хто».

– Открой или позови Матильду!

– Моотя! Тут хтой-то тебя спрашивает!

– Кто там? – раздался родной Мотькин голос.

– Матильда! Это я!

– Матерь Божья, Аська! – завизжала она.

Дверь распахнулась. Мы обнялись.

– Мооть, это шо, та самая Аська? – дернула Мотьку за рукав Степанида. Она была хорошенькая, чем-то похожая на

Мотьку, только не такая хрупкая и изящная, а крепко сбитая, невысокая, с совершенно хулиганскими карими глазами.

— Та самая! — восторженно отозвалась Мотька. — Аська, ты когда приехала?

— Вчера вечером, поздно...

— Ой, Аська, а ты письмо-то мое успела получить?

— Успела, успела! Только ни черта не поняла...

— А тетя Тата тебе ничего не говорила?

— Говорила... Это просто потрясающе! Мотька, а мне можно будет на репетицию пойти?

— Нет, нельзя! — ответила Мотька и как-то странно подмигнула мне. — Илья Михайлович не разрешает... — И она еще раз мне подмигнула, едва заметно кивнув в сторону Степаниды.

— Понятно. Потерплю до генеральной...

— Степанида, быстро на кухню! — распорядилась Мотька. — Там уже все готово! А то в школу опоздаешь!

— А ты?

— Я сегодня прогуляю! — решительно заявила Матильда. — А то у меня времени не будет с Аской пообщаться!

— И я не пойду в школу!

— Еще чего! Поговори у меня. Пойдешь как миленькая! И чтобы не смела вякать!

— А я твоей классной руководительнице скажу, что ты прогуливаешь.

— Да ради Бога! Подумаешь, большое дело! Говори, кому

хочешь, доносица – собачья извозчица!

– Я не доносица!

– Пока нет, но, видимо, будешь... А среди моих друзей доносчиков нет и не будет. Вот и делай выводы.

Степанида задумалась. А я была поражена – до чего же повзрослела Мотья.

– Ладно, так и быть, не скажу... – широко улыбнулась Степанида. – Я понимаю, вам поговорить надо...

– То-то же! И давай быстрее ешь!

Выпроводив наконец Степку, Матильда опять бросилась в мои объятия.

– Ох, Аська, как же здорово...

– Ну, рассказывай! – потребовала я.

– Сейчас, сейчас... Ох, Аська, как же вовремя ты приехала... Как вовремя!

– А что, опять надо что-то расследовать? – пошутила я.

– В том-то и дело!

– То есть как? Ты шутишь?

– Какие шутки! Не до шуток мне! Не знаю, что и делать...

Может, ты что-нибудь присоветуешь...

– Матильда, ты серьезно? – все еще не верила я.

– Да уж куда серьезнее... Погоди, я сейчас!

Она приволокла из кладовки стремянку и полезла на антресоли. Вытащила оттуда старый чемодан и подала мне.

– Открой!

Я открыла чемодан, откуда разило нафталином. Там лежа-

ли какие-то старые вязаные кофты, шапки, цигейковый вытертый воротник и все в таком роде.

– Моть, что тут такое? – спросила я и чихнула.

– Увидишь, – мрачно бросила Мотька и нагнулась над чемоданом. – На, смотри!

И она протянула мне какой-то сверток в черном пластиковом пакете, перетянутом бельевой резинкой.

Я осторожно сняла резинку и с опаской сунула руку в пакет. В нем лежала кожаная мужская сумочка, такие называются барсетками. Я вопросительно взглянула на Матильду. Она криво улыбнулась.

– Открой!

Я открыла «молнию» и оторопела – в сумке лежала толстая пачка стодолларовых купюр.

– Мотька!

– Вот тебе и Мотька!

– Откуда это?

– От верблюда! В буквальном смысле слова!

– То есть? – не поняла я.

– Ох, Аська, и почему все это на мою голову сыплется?

– Ты можешь толком объяснить, в чем дело! – рассердилась я. – Ты что, украла эти деньги?

– Украла? – вскинулась Мотька. – Я, по-твоему, воровка? Степка их... нашла.

– Нашла? – ахнула я. – Где это такие деньги находят, адресок не дашь?

– Запросто!

– Слушай, Матильда, ты, конечно, уже почти звезда, но будь добра, объясни простым смертным, что все это значит!

– Ох, Аська, не злись. Прости, подруга, я что-то не в себе... Я боюсь...

– Если ты мне сейчас же все не расскажешь, я просто уйду!

– Расскажу, обязательно расскажу, у меня на тебя вся надежда, я уж не знаю что думала, а как ты появилась, я решила, может, все еще обойдется...

– Матильда!

– Да, да, прости. Так вот, это случилось позавчера. Мы репетируем сейчас уже в театре, на сцене. После репетиции меня отвозят домой на машине... Это тетя Тата настояла, а наш администратор согласился, и обычно он сам меня отвозит...

– Ты и впрямь звезда, – хмыкнула я.

– Ладно тебе, просто я репетирую после школы, часто допоздна, ну и они говорят, что я им к премьере живая нужна... Они-то смеются... – всхлипнула Мотья. – Так вот, репетиция кончилась, Яков Леонидович, это администратор наш, подвез меня домой... Ох, зачем я все это рассказываю, дура набитая... Короче, захожу я в квартиру, навстречу мне Степка вылетает, вид у нее еще тот, глаза горят, она хватается меня за рукав, даже раздеться не дает и тащит на кухню, а там на столе эта барсетка лежит, раскрытая. Я так и ахну-

ла. «Степка, откуда это?» – спрашиваю. «Мотечка, я нашла! Мы теперь с тобой богатыющие будем. Тут целых двенадцать тысяч, я пересчитала. Это ведь много, правда?» – радуется эта дура.

А у меня душа в пятки ушла. Неужто она украла? Да если даже нашла, тоже хорошего мало. Ну я к ней с ножом к горлу, колись, Степанида. А она рассказала, что ходила в магазин за молоком, а когда вернулась, лифт не работал, она пошла пешком и между третьим и четвертым этажом лежала эта барсетка. Ну, она и решила, что лучше всего взять ее домой. Дома поглядела, что там такое, и пришла в восторг. Теперь, говорит, можно папке написать, чтобы возвращался, она, дескать, теперь разбогатела и спасла семью. Видала дуру? Ой, Аська, что теперь будет? Я печенкой чую, не оберемся мы неприятностей, и это еще мягко сказано!

– Да почему?

– Как почему? Как почему? Думаешь, такие деньги просто так достаются? Или кто-то на них рукой махнет? Мол, потерял, и ладно? Я бы ни за что их не взяла! Ни за что! Пусть бы лежали, где лежат! Чужое добро впрок не идет, это я точно знаю!

– Тогда почему ты их не положила туда, где они лежали?

– Потому что... Ну, во-первых, слышала бы ты, как голосила Степанида, во-вторых, я растерялась, честно тебе скажу... Да и потом, откуда я знаю, что деньги к хозяину попадают?

– А может, объявление расклеить, а?

– Да я уж думала, но нет, это страшно...

– Почему? Напиши – такого-то числа, там-то найдена барсетка, и все. А уж, если кто позвонит, ты спроси, что там было, как она выглядит, ну, словом, сама понимаешь...

– Легко тебе говорить! Мы со Степкой что – две девчонки, живем одни, а тут такое дело... Может, это бандитские денежки, и они нас просто пришьют, как ненужных свидетелей, и вообще... Мне сейчас совсем о другом думать надо, у меня такое везенье...

– погоди, Матильда, может, эти денежки тоже часть твоего везенья, а? Знаешь, одно к одному! Полоса такая счастливая, может это быть?

– Нет, не может!

– Почему?

– Потому что я чувствую – нехорошие это деньги! Я их боюсь! И не знаю, что делать!

– Так, может, в милицию заявить?

– Да, быстро же ты все забыла! А какая гарантия, что я в милиции на честного человека нарвусь? Нет, милицию в это дело лучше не мешать!

– Ну и что ты предлагаешь?

– Кабы знать... Я думала, ты что-нибудь предложишь...

– Слушай, а Федор? Ликин муж? Вот к кому надо обратиться!

– Обратилась бы, если б он в Москве был, а то они в сва-

дебное путешествие укатали, за границу...

– Надолго?

– Нет, на две недели!

– Матильда, тогда все просто! Забудь на две недели об этих деньгах, а когда они вернутся...

– Думаешь?

– Конечно, он твой знакомый, муж Лики, частный детектив... Слушай, а Олегу ты ничего не говорила?

– Нет! И не буду! Он на меня кричать начнет, что я вечно во что-то влипаю и вообще... Не хочу!

– Ну и зря! Он отличный парень и так тобой гордится...

– А ты почему знаешь?

– Да он же меня встречал!

– Как? Почему?

– Потому что я всем сюрприз хотела сделать... Дед ему позвонил и попросил меня встретить, ну и вот...

– Ну я ему задам!

– Кому? – оторопела я.

– Олегу!

– Но почему?

– Он должен был меня предупредить!

– Почему это?

– По кочану!

– Глупости, Матильда! Дед просил его держать все в секрете, как же он мог проболтаться...

– Ну, если Игорь Васильевич просил...

– То-то же! И вообще, хватит на Олега бочки катить...

– Ишь, заступница, – проворчала Матильда, убирая барсетку с долларами обратно в чемодан. – Значит, говоришь, ждем Федора?

– Именно.

– Ну и ладно, мне все же легче стало, когда я приняла решение. Главное, чтобы эта охламонка никому не проболталась.

– Тебе с ней трудно?

– Да нет, я справляюсь... Только я сдуру, когда она приехала и была, как... побитая собачонка, чтобы немножко ее развлечь, взяла да и рассказала ей про «Квартет», про все наши дела... И теперь ей тоже охота что-нибудь расследовать.

– Да, это ты маху дала!

– Мне ее жалко было. Мама говорит, дядя Сема вряд ли вернется. Канада не ближний край, пока денег заработает, пока то да се... Ему вообще трудно со Степкой было... Одним словом, можно считать, что она сирота круглая. Ну и вот...

– Ладно, Мотья, это все потом, ты мне лучше про театр расскажи! Что ты там играешь, с кем, как?

– Аська, – понизила голос Матильда, – мне про это даже говорить страшно, это такое счастье, такое... Если все получится... меня заметят, и даже это не главное, я не представляла, что так бывает... Мы сперва за столом репетировали, ну вроде как просто по бумажкам роль читали, потом в ком-

натах, в репетиционном зале, и вроде все неплохо было, меня хвалили, а вот как первый раз на сцену вышли...

Она мечтательно закатила глаза.

– Тут все как будто по волшебству переменялось... Понимаешь, до тех пор я себя все время вроде бы слышала и как бы со стороны видела, а на сцену вышла и... Раньше как будто две Матильды было, а тут – одна! Я в себя вернулась... Понимаешь?

– Не очень, – призналась я.

– Как бы это объяснить... Я перестала себя видеть со стороны, я... уже не играла, я жила... Я стала этой девочкой, Мэгги...

– Перевоплотилась?

– Наверное... И знаешь, они там все... ахнули! Я потом поняла, когда репетиция кончилась. Илья Михайлович и Яков Леонидович так на меня смотрели... А у Журавского, он моего отца играет, даже слезы на глазах были... Только я виду не подала, что заметила, и ты никому не говори, а то подумают, что я хвастаюсь или зазналась...

– А я тоже тебе по секрету скажу... Мама говорит, что Меркулов жутко тобой доволен, и уверяет, что тебя ждет большое будущее, что ты редчайший талант! И еще она сказала, что, наверное, такой была Алиса Коонен, когда поступала в Художественный театр, к Станиславскому. Помнишь, мы ее мемуары читали?

– Еще бы не помнить!

– Моть, а в школе знают про все это?

– Про театр? Нет, что ты!

– А что тут такого?

– На фиг нужно раньше времени трепаться? Вдруг ничего не получится? Представляешь, как всякие дуры вроде Дубовой будут радоваться?

– А про что пьеса-то?

– Это комедия, очень смешная, про девчонку, у которой родители в разводе, мать – знаменитая киноартистка, отец – знаменитый хирург, а она живет с бабкой в провинции, а во время каникул месяц проводит с матерью, а месяц с отцом. Ну и наводит там такого шороху...

– Значит, отца играет Журавский, а кто мать играет?

– Коноплева!

– Ух ты! Вот это да! И тебе не страшно с такими звездами играть?

– Нет, не страшно! Мне здорово с ними играть... Коноплева, она такая интересная, элегантная, я на нее смотрю, просто балдею!

– Моть, а мне на репетицию можно будет попасть?

– Не знаю, вообще-то посторонних не пускают... Но я все же поговорю с Ильей Михайловичем, может, тебе он и разрешит, он же тебя с детства знает...

– Ой, мне так интересно!

– А знаешь, Аська, о чем я мечтаю, – прошептала Мотька, – чтобы у меня был успех и меня бы увидел Игорь Васи-

льевич. Но, с другой стороны, я бы, наверное, умерла, если бы знала, что он в зале. Понимаешь, он для меня самый-самый великий артист!

– погоди, Матильда, может, ты еще с этим спектаклем в Париж приедешь!

– Скажешь тоже! – ахнула Матильда.

– Почему бы и нет? Еще когда мы в Италии были, ты только мечтала, чтобы тебя Лутовинов на любую роль попробовал, а сейчас ты главную роль репетируешь! Так что все в жизни возможно!

– Значит, ты в меня веришь, Аська?

– Еще как! И не только я. Дед, кстати, в тебя тоже очень-очень верит. И мама.

– Ну, если бы не тетя Тата, так вообще бы ничего не было. Ты представляешь, она мне вдруг звонит и говорит, что я должна немедленно прийти к вам домой, очень срочно! Ну, я понеслась, думала, от тебя какие-то новости. Прибегаю, а там Илья Михайлович сидит, только я тогда не знала, кто это... Он очень пристально меня разглядывал, а потом попросил что-нибудь ему почитать. Я растерялась, а тетя Тата и говорит: «Матильда, вы же с Аской вечно какие-то стихи читали, давай, первое попавшееся!»

Ну, я и прочитала Северянина твоего любимого, про дежурную адъютантессу. Они так хохотали... А потом он попросил тетю Тату мне помочь и дал нам текст из какой-то пьесы, где она мою бабушку играла. Мы полчаса с ней по-

репетировали, а потом показали ему, и он... Он сказал, что возьмет меня... Ну, не сразу... Но через две недели со мной уже заключили договор...

– И деньги платят?

– Ага! Представляешь, как здорово?

– А что твоя мама сказала?

– Испугалась до смерти! Но тетя Тата ее уговорила. Сказала, что у меня такого шанса может больше и не быть... Что школа никуда не убежит, что репетиции будут во второй половине дня и все такое...

– А Митя с Костей в курсе?

– Нет. Зачем? Я стараюсь не болтать об этом раньше времени.

– Наверное, ты права. Но на премьеру-то позовешь их?

– Да ты что? Разве можно сейчас об этом думать? До премьеры еще дожить надо!

– Доживешь, куда ты денешься!

– Ох, Аська, понимаешь, мне отчего-то страшно... Как бы беды какой не случилось. Я как эти доллары увидела, у меня сердце в пятки ушло. Боюсь я, ох, как боюсь.

– Что ты, Мотыка! Не бойся, я с тобой.

– Только это меня и утешает, – улыбнулась она, но улыбка вышла невеселая. – Ладно про меня, расскажи, как ты там в Париже живешь? Как Ален?

Глава 3

Происшествие в театре

Мы с Матильдой не заметили, как пролетело время. Вернулась из школы Степанида.

– Ох, мне ведь уже скоро в театр! – спохватилась Мотька, плюхая на плиту большую кастрюлю.

– Какой у тебя нынче суп? – со смехом спросила я.

Матильда вкусно готовила, особенно обожала супы. – Борщ. Хочешь?

– Хочу!

Степка все время изучала меня, я это чувствовала. И слово хотела что-то сказать. Наконец она решилась.

– Ась, а ты и вправду в Париже живешь?

– Да.

– Ну и как там?

– Хорошо. Но в Москве лучше!

– Почему?

– Тут все свои... Я по Москве все время скучаю.

– А... А я по Харькову – нет! – отрезала вдруг Степка. – По папке – да, а по Харькову – нет. Мне в Москве больше нравится.

– А как тебе наша школа? – любопытствовала я.

– Я привыкла, – уклончиво ответила она. – А ты насовсем

приехала?

– Нет.

– Послушай, а вот Матильда мне всякие разные истории про вас рассказывала...

– Какие истории?

– Ну, как вы разных там бандитов и контрабандитов ловили...

– Контрабандистов! – поправила ее Мотька.

– Ну, нехай будут бандисты, – кивнула Степка. – Нешто это все правда?

– Чистая правда! – ответила я.

– Так это же... А она тебе говорила, что я нашла? – понизив голос, осведомилась Степанида.

– Говорила.

– Правда, здорово?

– Да нет, я с Матильдой согласна, ничего тут хорошего нет. Если кто-то такие деньги потерял, у него, знаешь, какие неприятности могут быть...

Матильда одобрительно мне подмигнула.

– Ладно, вы тут болтайте, а я пока соберусь.

И она ушла в ванную.

– Ася, – шепотом начала Степанида, – Ась, ты знаешь, я сегодня опять пешком наверх шла...

– Опять лифт испортился?

– Не-а, я просто так... Посмотреть хотела...

– На что?

– Ася, там следы крови!

– Где?

– Ну, там, где я сумочку нашла... На стенке и на подоконнике!

– А тогда они были, эти следы?

– Не знаю, я тогда не заметила. Я как увидела сумочку...

– Но это ж позавчера было! Мало ли что потом могло там случиться... Или кто-то с кем-то подрался, или у кого-то просто кровь из носу пошла...

– Ну, може, и так...

– А ты почему шепчешь? – тоже шепотом спросила я.

– Матильду пугать не хочу! Она нервная! А у нее – спектакль!

– Это правильно, Степа! Если что еще обнаружишь, сразу говори мне, а ее волновать не надо! Договорились?

– Ага! Ты мне свой телефон-то дашь?

– Конечно!

– Говори, я запомню!

Я назвала ей свой номер телефона, она два раза повторила его.

– Все, уже в компьютере! – с торжеством произнесла Степанида.

Я пошла проводить Матильду до метро, а Степаниду оставили дома, делать уроки. Уже на подходе к метро я вдруг заметила, что у Матильды стало какое-то отрешенное лицо. О, я прекрасно знала это выражение. Такое лицо всегда бывало

у мамы, стоило ей сказать: «Мне пора в театр!» Вот и Мотька была сейчас уже не со мной, а в театре!

Простившись с Матильдой, я побрела домой. И вдруг меня что-то стукнуло! Я вспомнила о пятнах крови на лестнице Мотькиного подъезда. Надо бы пойти взглянуть. «Зачем? Мало тебе, дура, всяких расследований? Делать тебе нечего?» – говорила я себе. Но делать мне и впрямь было нечего. Все тут, в Москве, заняты, живут своей жизнью, а я свалилась им на голову... И никому до меня нет дела... Что ж, в одиночку расследовать историю с барсеткой? Да нет, я только взгляну...

Я вошла в подъезд и пошла по лестнице пешком. Вот оно, это место. И никаких пятен крови! Я огляделась. Вероятно, уборщица их смыла, если они вообще не были плодом пылкого воображения Степаниды. Да, похоже, тут недавно убирали. А вот интересно, не было ли в этом подъезде каких-то чрезвычайных происшествий, убийств, ограблений? Матильда вполне могла ничего не знать. А вот Степанида, конечно, знала бы... Впрочем, не обязательно... Я покрутилась там еще, но ничего интересного не обнаружила.

Дома я долго болтала с тетей Липой и уже вовсе не чувствовала себя лишней и ненужной. Правда, папа позвонил и сказал, что вернется не раньше девяти, так как у них на работе какое-то совещание. Кости и Мити все еще не было дома. Но в половине восьмого неожиданно позвонила Мотька. Голос у нее был измученный.

– Матильда, ты что так рано? – удивилась я.

– Ох, Аська, у нас такое несчастье...

– У вас? Где?

– В театре, – всхлипнула она. – Репетиция сорвалась... И вообще.

– Что? Что случилось?

– Наша Гуля попала в больницу, и неизвестно, выживет ли... – всхлипнула Мотья.

– Кто такая Гуля?

– Помреж! Правая рука Ильи Михайловича! Он так расстроился...

– А что с ней случилось, Матильда?

– Да говорят, отравилась чем-то...

– Пищевое отравление? Небось в буфете какую-нибудь гадость съела! Ничего, промоют желудок, подержат недельку в больнице...

– Да в том-то и дело, что она никогда не ест в буфете. Никогда! Она говорит, что ни ее желудок, ни ее кошелек этого не выдерживают... И вообще, – Мотья вдруг перешла на шепот, – Аська, мне кажется, ее кто-то отравил!

– Моть, ты в своем уме? Кому надо травить помрежа?

– Ну, мало ли... Может, у нее в личной жизни что-то такое было... все бывает, сама знаешь. И потом врач из «Скорой» так удивленно сказал: «Странно, но похоже на отравление ядом...» А вот название яда я не запомнила.

– Мотья, но ведь яд необязательно кто-то подсыпал, ко-

гда отравишься консервами или колбасой, там ведь тоже яд...

– Но тогда врач не удивился бы... Какие-то там симптомы не те были... так я думаю.

– Ну хорошо, а милицию-то вызвали?

– Нет, наверное, из больницы сообщат ментам... Ась, а может...

– Что?

– Может, тряхнешь стариной?

– Ты хочешь сказать...

– Ага! Тебе все равно сейчас делать нечего...

– Ну конечно! И что, прикажешь мне одной этим заниматься, да?

– Аська, я же ничего не приказываю, ты что? Я просто подумала, тебе, наверное, скучно, когда все на работе или в институте, или в школе...

– Ну, вообще-то это правда... Скучновато. Но одной... Я даже не знаю, как за это взяться...

– Это мы обсудим! – обрадовалась Мотья. – Хочешь, я сейчас к тебе прибегу? А, кстати, Валерка наверняка согласится тебе помочь. Даже, я думаю, в восторге будет.

– Знаешь, Матильда, давай подождем до завтра. Может, выяснится, что у вашей Гули никакое не отравление, а просто аппендицит или еще что-нибудь в этом роде. Врачи в «Скорой» часто ошибаются...

– Нет, Аська, я печенкой чую, что-то тут не так... Я сего-

дня как в театр пришла, мне почему-то так вдруг тоскливо стало, так холодно и страшно, а потом вот это случилось...

– Ты, наверно, хорошо к этой Гуле относишься? Кстати, что за имя – Гуля?

– Гулико! Она наполовину грузинка. Да, я к ней хорошо отношусь, но при чем тут это?

– Как при чем? Ты к ней хорошо относишься, вот и почувствовала, что ей плохо станет!

– Ты думаешь?

– Конечно! Сама подумай! Просто тебе уже всюду преступления мерещатся. Оно и неудивительно!

– Ась, ты с Лордом гулять не пойдешь?

– Пойду, а что?

– Давай, выходи сейчас, и я подойду, погуляем вместе, я уж и забыла, когда гуляла, совсем времени нет. Поговорим спокойно, а то тут у Степаниды уже ушки на макушке.

– Отличная идея! Через десять минут выйду!

Действительно, через десять минут мы встретились и пошли на сквер. Вид у Мотьки был подавленный.

– Аська, это плохо, очень плохо! – проговорила она драматическим шепотом.

– Да что хорошего!

– Нет, я даже не про Гулю, ее, Бог даст, спасут, но... примета плохая.

– Примета? Какая примета? – рассердилась я. – Если по-мреж отравился, значит, спектакль провалится? По-твоему,

существует такая примета?

– Ладно, не злись, может, я не так выразилась... Ну не примета, а знак... Плохой знак... До сих пор все было так клево...

– Ну ты и скажешь... В театре ведь тоже живые люди работают! Я вот не помню у мамы в театре ни одного спектакля, чтобы что-нибудь да не стряслось! Вечно что-то случается, и если на все это обращать внимание и считать дурным знаком... Тогда бы они вообще ни одного спектакля не выпустили. Не волнуйся, оклемается твоя Гуля. Она молодая?

– Ну, не очень, ей уже двадцать восемь.

– Красивая?

– Да нет, но симпатичная, веселая...

– Замужем?

– В разводе!

– А кто муж?

– Не знаю. Она про него не говорит. Я просто краем уха слышала, она кому-то говорила «мой бывший муж...» Она, по-моему, в Илью Михайловича влюблена.

– А он ведь, кажется, женат?

– Да, у него жена славная, она преподает французский язык в Щукинском училище. И девчонка у них десятилетняя. По-моему, они хорошо живут... Ты что, подумала, что его жена могла отравить Гулю?

– Я? Да ты что, Матильда! Мне такое и в голову не пришло. Мы вообще не знаем, отравили ли ее... Слушай, Моть,

а куда ее увезли? Не в Склиф?

– Да вроде в Склиф, а что? Думаешь, сбегать сейчас туда, узнать что-нибудь?

– Ну да!

– Правильно! Идем! – решительно сказала Мотька. – Это же рядом!

– А Лорд?

– Не страшно, ты с ним постоишь, а я попробую узнать что-нибудь!

Но едва мы подошли к приемному покою, как навстречу нам вышел немолодой, совершенно лысый, довольно толстый мужчина средних лет.

– Яков Леонидович! – закричала Мотька и бросилась к нему. – Яков Леонидович, вы у Гули были?

– Матильда! Ты что здесь делаешь?

– Да вот, я же тут близко живу, решила зайти узнать, как Гуля.

– Ей уже лучше, она пришла в себя... Говорят, вообще сегодня ничего не ела, только воду минеральную пила... Странная история... Но в лаборатории вроде бы яд не обнаружили... Единственное, что она сказала... будто выпила воду не из своей большой бутылки, а из маленькой, которая стояла на столике у телефона за кулисами, и будто бы у воды был необычный вкус. Я немедленно рванул в театр и привез им эту бутылку. Там оказалась чистейшая вода.

– «Святой источник»? – каким-то деревянным голосом

спросила Матильда. – А ты почему знаешь?

– Так Гуля же всегда пьет только эту воду.

– Ну да... Да. Вот что, моя красавица, хватит с тебя на сегодня. Живо в машину, я тебя сейчас отвезу. И сразу в постель. Ты нам завтра живая нужна! Репетиции продолжают-ся! Я кому сказал – в машину!

– Яков Леонидович! Познакомьтесь, это моя лучшая подруга, Ася Монахова! Мы с ней гуляли и вот решили зайти, так что мы сами доберемся, мы же с собакой!

– Монахова? Таткина дочка?

– Да!

– Так ты же вроде в Париже, у деда?

– Вчера приехала!

– К подружке на премьеру?

– Можно считать и так!

– А псина у тебя какая милая, как ее звать?

– Лорд!

– Хороший пес! Пошли, довезу уж вас с псиной! Поздно девчонкам одним гулять!

– Нет, спасибо, Яков Леонидович! Мы сами, а то Лордик у нас машину не переносит, его сразу тошнить начинается, – затараторила Мотья к великому моему удивлению. – У него плохой вестибулярный аппарат, его даже на дачу возят со снотворным.

– Что ты говоришь? Но тут ведь близко, может, он не успеет...

– Да что вы! Он уже через минуту...

– Ну, если такое дело...

– Не волнуйтесь, Яков Леонидович, мы прекрасенько дойдем, да сейчас не так уж поздно. Лорд у нас хороший охранник! Никого к нам не подпустит.

– А вот меня же подпустил!

– Так он разбирается, кто с добрыми намерениями...

– Понятно! Ну ладно, девушки, тогда я поеду, а то уже еле на ногах держусь. Ну и денек выдался, черт бы его побрал!

Он простился с нами и уехал.

– Матильда, ты зачем наврала про Лорда?

– Надо было. Аська, а дела-то совсем поганые!

– Почему? Он же сказал, что она пришла в себя?

– Понимаешь, эта бутылка, что на столике у телефона стояла...

– Ну?

– Она моя!

– Ну и что? С ней же все в порядке!

– А ты понимаешь, сколько времени прошло? Несколько часов! Что стоило ее подменить, а?

– погоди, Матильда, у тебя, по-моему, уже ум за разум зашел.

– Никуда никто не зашел! Тут есть три варианта, нет, только два! Либо хотели отравить меня...

– Тебя?

– Либо меня же хотели подставить!

– То есть как? – совершенно ошалела я от Мотькиных выводов.

– Если предположить, что Гуля отравилась, а по всему похоже на то, значит, отравилась она, выпив воды из чужой бутылки. Так?

– Возможно.

– А бутылку на этом столике оставила я. Я пошла позвонить маме в свободную минутку, потом меня позвали, и я забыла про нее.

– Матильда, ты что, прослушала? Он же сказал, это была чистейшая вода!

– Вот это-то меня и пугает!

– Почему?

– Потому что я всегда в воду добавляю лимонный сок! Меня этому твоя мама научила! Вода с кислинкой лучше утоляет жажду. Это чтобы пить поменьше, понимаешь! А Яков сказал – вода была чистейшая! Теперь понимаешь?

– Но, Матильда, зачем нужно тебя подставлять или травить?

– Травить, может, и не нужно...

– А подставлять? Да нет, чепуха это! К тому же яд не обнаружили! Это несчастное стечение обстоятельств и только, ей просто случайно стало плохо после того, как она выпила воду! И между прочим, если там обнаружили лимонный сок, то вода все равно чистая, не отравленная, они скорее всего просто промолчали про сок, какое это имеет значение, если

вода не отравленная?

– Ты и вправду так думаешь?

– Конечно! А что ж тут еще думать? Уверена, завтра выяснится, что у нее какое-то сложное заболевание, а скорее всего просто аллергия на лимон! Может это быть? Запросто! Или она себя этими диетами заморила...

– Ох, Аська, ты просто камень у меня с души сняла... Здоровенную такую каменюку...

– Ты, Мотья, скоро со своим театром рехнешься просто. Тебе психиатру показаться надо! Все тебе страсти какие-то мерещатся!

– Да, я, наверное, подсознательно так боюсь, что сорвется спектакль или провалится, или я заболею, что мне невольно...

– Тебе надо успокоиться, Мотья, а то ты и вправду заболеешь! Вон чего выдумала – кто-то кого-то отравил, чтобы тебя подставить! Это какая же фантазия безумная. Просто жуть! Завтра же попрошу маму найти тебе психиатра!

– Не вздумай!

– Очень даже вздумаю! Тебе не столько психиатр нужен, сколько невропатолог! Даст какие-нибудь порошочки успокоительные. Ты спишь нормально?

– Аська, прекрати издеваться! Признаю, я немного погорячилась... Видно, перенервничала из-за Гули... А мозги-то сама знаешь, как у нас у всех повернуты. Чуть что – детектив! – усмехнулась Матильда. – Ладно, проехали! Надеюсь,

завтра все будет в порядке. Да, Аська, я совсем забыла. Илья Михайлович разрешил тебе завтра прийти на репетицию.

– Матильда! Что же ты молчала? Вот здорово!

– Только, Аська, прошу тебя, сиди тихонько-тихонько!

– А что, я обычно ору во все горло? Дебоширю?

– Да ладно тебе, не заедайся! Я просто сказала, а то он, Илья Михайлович, очень не любит, когда в зале посторонние...

– Да успокойся, я умею сидеть на репетициях! Не в первый раз! Мне дед даже разрешает на его занятиях с аккомпаниатором присутствовать, я всегда сижу как мышка! Да и у мамы в театре я сколько раз была...

– Извини, подруга, я впопыхах про это забыла...

– Так и быть, извиню!

– И еще просьба – никому про сегодняшнее ни слова! Ну, про мою истерику, ладно?

– Ладно, – согласилась я.

– Да, и вот еще... Если тебе завтра на репетиции что-то не понравится, ты ведь все-таки понимаешь в этом деле, ты мне обязательно скажи!

– Ну, если не понравится... Тогда скажу.

– Ты только постарайся смотреть на меня не как на меня...

– Чего?

– Ну, не как на свою подружку с детского сада, которая, надо же, на сцене выступает, а просто как на артистку, незнакомую артистку. Понимаешь?

– Понимаю, что ж тут не понять!

– Аська, ты смеешься?

– Да почему? С чего ты взяла?

– Мне показалось...

– Когда кажется, креститься надо!

Нет, с Матильдой надо что-то делать, а то она, по-моему, скоро спятит!

Глава 4

Иномарка и сосулька

Вернувшись домой, я собралась позвонить Мите и Косте, но не тут-то было, едва я открыла дверь, на меня накинута с упреками папа.

– Аська, у тебя совесть есть? Где ты шляешься? Мы же волнуемся! Вышла с собакой и пропала! Разве так можно? Утром я встал – тебя уже нет, вернулся с работы – тебя еще нет! Что это за манера!

– Папа, но я...

– Ты только и знаешь, что гонять по улицам с Матильдой! А на родного отца тебе плевать!

– Папа, как тебе не стыдно!

– Мне? Мне должно быть стыдно? По-моему, ты что-то перепутала? Это тебя в Париже научили так говорить с отцом?

– Что? – задохнулась я. – Я разве рвалась в Париж? Просила-умоляла, ах, я хочу жить в Париже, да? Это была твоя идея!

– Да! И я не скрываю, что хотел оторвать тебя от этой твоей сыщицкой компании. Но только все это, как видно, напрасно было! – кипятился папа.

Что это с ним? В последний год у него здорово испортился

характер.

– Юра, успокойся! – раздался вдруг голос тети Липы. – Ты и сам нервничаешь и девочку попусту нервируешь. Подумаешь, большое дело, загулялась девочка! Ей же там не хватает друзей, в этом твоём Париже, она соскучилась. А тут еще ты на нее нападаешь, хочешь, чтобы она и вовсе от дома отбилась?

– Ах, все вы заодно! – махнул рукой папа и, хлопнув дверью, ушел к себе.

– Аська, ты небось голодная? – шепотом спросила тетя Липа.

– Голодная, – призналась я.

– А где ты шастала?

– Да мы с Матильдой...

– С Матильдой? Но она же в это время обычно в театре.

– У них там помреж заболела, ее в больницу увезли.

– Понятно. Ну, как у Мотьки успехи-то?

– Завтра пойду к ней на репетицию, тогда все вам расскажу...

– Молодчина она, твоя Мотья. Талантливая, трудолюбивая, сиротку вон к себе взяла...

– Тетя Липа, а что с папой?

– Нервничает все... Время нынче такое, нервное. Все теперь такие дерганные стали, не дай Бог! Да и потом... Мама твоя сейчас нарасхват, у нее большой успех, а ему это не нравится. Ревнует, наверное... Вот давеча кто-то маме цветы

прислал, подумаешь, большое дело, артисткам всегда цветы присылают, а он так расстроился...

– Но... Они разводиться не собираются? – шепотом спросила я. Меня уже давно терзают такие подозрения.

– Да нет, Господь с тобой! Об этом речи нет. Они же любят друг дружку! Да ты не волнуйся, пройдет это. Поверь мне. Просто период такой... Трудно им. А ты вот, кстати, постарайся их примирить! Бывай побольше дома, с ними...

– Легко сказать... – вздохнула я.

– Да я все понимаю, – погладила меня по голове тетя Липа. – Ты не думай, что я старая и ничего не смыслю в твоих делах. Очень даже смыслю! И всегда буду на твоей стороне! – добавила она еле слышно.

Я прижалась к ней. Настоящее ощущение родного дома – теплый, уютный запах тети Липы. Она всегда была со мной, и, наверное, больше всех я скучаю именно по ней. Потому что точно знаю – ей всегда до меня есть дело!

Когда я спохватилась, звонить ребятам было уже поздно, а вскоре вернулась мама...

В этот день в театре спектакля не было, и потому репетировали на сцене. Матильда ввела меня в пустой и почти темный зал и усадила в двенадцатом ряду.

– Ты до конца-то выдержишь? – шепотом спросила она.

– Конечно! Мне же интересно!

– Значит, домой вместе поедem! Пока!

И она подбежала к режиссеру, который сидел в пятом ряду. С ним рядом сидела еще какая-то немолодая полная женщина. А на сцене появился знаменитый артист Олег Журавский, игравший Мотькиного отца. Журавский много снимался в кино, за ним бегали толпы поклонниц, он был красивый мужчина и прекрасный актер. Мотья еще по дороге объяснила мне, что сегодня они будут репетировать сцену, в которой Мэгги пытается объяснить отцу, почему он не должен жениться на Лью, красавице-журналистке и для этого плетет о ней фантастические небылицы. А отец то верит, то не верит дочери.

У меня от волнения за Мотью гулко билось сердце. Но вот она выбежала на сцену. У меня даже дух захватило, такая она была красивая. И ведь никакого грима... Я поняла, это талант! Я не раз дома слышала, что даже некрасивая талантливая актриса запросто может сойти за ослепительную красотку. А бездарная красавица на сцене кажется куда менее красивой. Значит, Мотья и впрямь очень талантлива! Но это была уже не Мотья, дочка московской почтальонши и неведомого отца, нет, это была прелестная юная американка Мэгги, капризная, избалованная дочка богатых, разведенных родителей. Пьеса была очень веселая, и я получала громадное удовольствие, несмотря на то что режиссер нередко останавливал актеров, что-то объяснял, показывал, горячился... Я и не заметила, как недалеко от меня села какая-то женщина. Я взглянула на нее случайно и сразу узнала.

Это была Елена Викторовна Коноплева, известная артистка, учившаяся в театральном училище вместе с моей мамой. Она тоже взглянула на меня.

– Аська? Ты? – прошептала она.

Я кивнула. Как раз в этот момент Меркулов что-то громко объяснял Журавскому.

– Что ты здесь делаешь?

– Смотрю! Матильда – моя лучшая подруга!

– Ах да, это же Тата ее рекомендовала Илье... Поразительно талантливая девочка!

Честно говоря, в ее тоне послышалось тайное недоброжелательство, или мне просто показалось?

– Постой, Тата что-то говорила, будто ты живешь теперь в Париже?

– Да, но я приехала на месяц... Елена Викторовна, а вы сегодня будете репетировать?

– Да, у нас одна сцена с Олегом...

– Леля, ты уже здесь? – закричал Меркулов. – Иди сюда!

Кивнув мне на прощание, Елена Викторовна направилась к нему... Вот она, кстати, из тех не блещущих красотой женщин, которые на сцене могут быть совершенно обольстительными. Мне было жутко интересно посмотреть, как они играют с Мотькой, не потеряется ли Мотькино юное вдохновение рядом с ее отточенным мастерством. Но сегодня мне не удалось этого увидеть. В какой-то момент объявили перерыв и запыхавшаяся взмокшая Мотька подбежала ко мне.

– Ну как? – выдохнула она, плюхаясь рядом со мной.

Я молча показала ей большой палец.

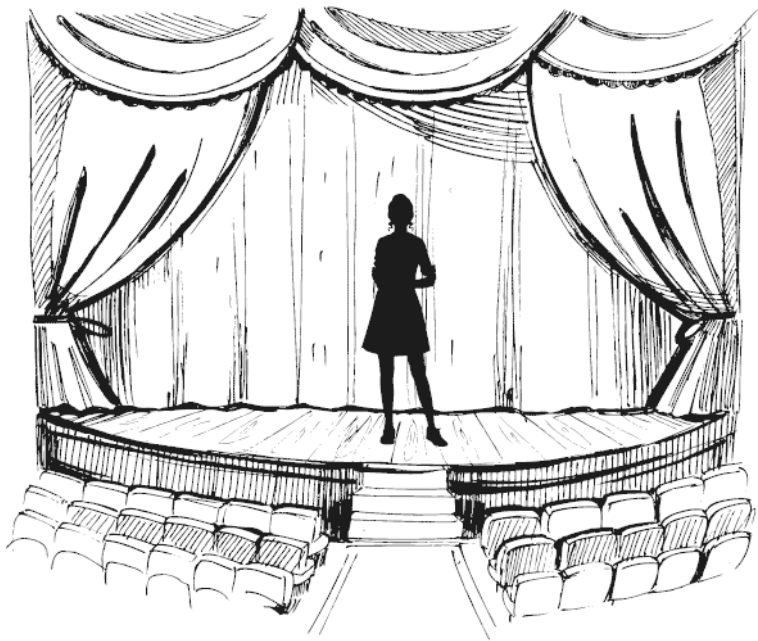
– Правда?

– Мотька, у меня нет слов! Видела бы ты себя! Ты на сцене такая красивая, ужас просто!

– Правда? Ты правду говоришь, не просто так?

– Мы же договорились – я говорю тебе всю правду. Мне страшно понравилось. И пьеса, по-моему, чудная!

– Аська! Мне так важно было это услышать, – тихо призналась она.

- И, между прочим, Елена Викторовна сказала, что у тебя поразительный талант!
- Кому она сказала?
- Мне!
- Интересно... А мне казалось, она меня недолюбливает!
- Почему?
- Не знаю, просто нутром...
- А, печенкой чуешь?

– Ну да...

– Не знаю, может, она тебя и не любит, но признает твой талант...

– Ой, Аська, брось, не надо про талант, а то еще сглазишь...

– Знаешь, Моть, мне так интересно посмотреть весь спектакль, с начала до конца, в костюмах, в декорациях...

– Посмотришь, Бог даст! А как тебе Журик?

– Кто? – не поняла я.

– Журик! Так Журавского все зовут. Он классный актер! И очень хорошо ко мне относится.

– Ты в него влюблена?

– Влюблена? Да ты что! Он же старый. Да и вообще, мне сейчас не до любви.

– А, кстати, Олег тебя видел?

– В театре? Нет, что ты! Я только тебе доверяю. Меня даже Степанида не видела. Да, ты ей между прочим не говори, что была на репетиции, а то такой вой поднимет, ладно?

– Ладно, Моть, а где тут туалет?

– Идем! – вскочила Мотька и выбежала в фойе. Я думала, она поведет меня за кулисы, но нет, мы вбежали в туалет для зрителей. Там было тихо и чисто.

Когда мы вышли оттуда, нам навстречу попался Яков Леонидович.

– О! Попугайки-неразлучницы! – приветствовал он нас.

– Яков Леонидович, как Гуля? – спросила Матильда.

– Очень неважно, к сожалению, – с грустью произнес он. – Я был недавно в больнице, говорил с врачом... Он все-таки думает, что это отравление. Хотя совершенно непонятно, чем она отравилась.

– Но она вне опасности? – спросила я.

– Будем надеяться, будем надеяться.

В этот момент Матильду кто-то позвал, и она убежала.

– Ах, какая девочка, – проговорил Яков Леонидович, вытирая лысину платком. – Такой талант рождается не часто... Ей пятнадцать, а она готовая актриса. Нет, еще, конечно, техники, мастерства, но это придет... Придет! Я думаю, если все будет благополучно, мы же, театральные люди, ужасно суеверны, поэтому я плюю три раза через левое плечо, так вот, если все будет хорошо, Матильда станет сенсацией сезона. Ну, иди в зал, а то сейчас начнется...

Я вернулась на свое место. Но репетиция пока не возобновилась. Мне было так радостно за Мотьку, хотя я понимала, что ей будет ох как нелегко! Я выросла в актерском доме и знала, что театр – отнюдь не храм. Там кипят такие страсти, там столько зависти, интриг, недоброжелательства... Я помню, сколько слез пролила из-за всего этого мама...

Но тут началась репетиция и я забыла обо всем. Матильда еще репетировала сцену с бабушкой, ее тоже играла известная артистка, Зинаида Морозова, чудная толстая старуха, так и светящаяся добротой и юмором. Одним словом, я получила массу удовольствия. Потом режиссер сказал:

– Спасибо, свободны все, кроме Елены Викторовны!

Мотька мигом спустилась в зал.

– Аська, одевайся и подожди меня на улице, я мигом! Яков Леонидович нас отвезет!

– А может, не стоит? Давай пройдемся, погода такая роскошная, снег, светло... Да и не поздно еще!

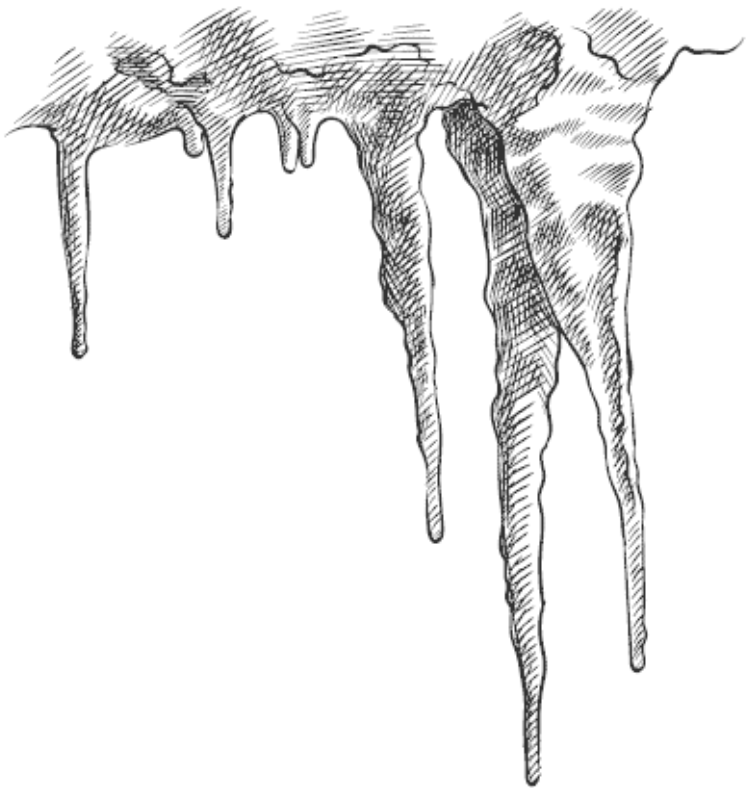
– Давай! Я попробую его уговорить! Жди!

И она унеслась. Я оделась и вышла на улицу.

Погода и впрямь была изумительная, градусов восемь мороза, сверкающий снег, ни ветерка... Как мне в Париже не хватает снега, мороза... Вскоре из подъезда выскочила Мотька.

– Уговорила! Насилу согласился! Но я ему объяснила, что у нас просто нет другого времени для общения! Ты это здорово придумала, Аська!

Но тут вдруг с крыши обрушилась громадная сосулька. Она упала буквально в нескольких сантиметрах от нас. Мы обе вскрикнули и отскочили. Проходившая мимо женщина завизжала.

– Девочки, вас не ушибло? Это ж надо... Чуть-чуть не убило! – запричитала она.

Мы подняли глаза. На крыше никаких сосулек не было.

– Странно, – проговорила женщина, глядя вверх, – вроде

там все чисто... Неужто одна сосулька осталась?

– Ну, может, ее забыли сбить... – предположила я. И тут мне бросилось в глаза, что Матильда стоит ни жива ни мертва. Бледная как полотно.

– Мотья, что с тобой, ты так испугалась?

– Да нет, я просто представила себе, что она попала бы в меня... Господи, как легко на тот свет угодить... Несколько сантиметров решают все...

– Можно подумать, такое с нами первый раз случается, ты вспомни кафе «Жизель» в Париже! Если б я не нагнулась, меня бы уже давно на свете не было!

– Да, это точно, – слабо улыбнулась Мотья. – Все хорошо, что хорошо кончается. Ну, идем, что ли?

Она решительно взяла меня под руку, и мы побрели по заснеженной нарядной Москве. Я передала Мотье то, что сказал о ней Яков Леонидович.

– Так и сказал, что я стану сенсацией?

– Так и сказал!

– Мне страшно... Все столько хорошего пророчат, а вдруг ничего не выйдет? Вдруг я на публике играть не смогу? Бывает же такое?

– Что за глупости, Матильда! Ты уж столько раз играла на публике!

– Я? Играла? Что ты мелешь, подруга?

– А ты вспомни. Вспомни. Как ты в обморок падала, как парня изображала, как торговала! Это все была игра на пуб-

лике!

– Ты так считаешь?

– Ясный перец!

И Мотька счастливо захохотала, словно избавляясь от какого-то сильного напряжения.

Мы молча шли дальше. И вдруг она остановилась.

– Аська, знаешь, что я тебе скажу...

– Скажи, узнаю!

– Мне иногда кажется, что меня ждет... ну одним словом, все! И успех, и даже, может быть, слава, и любовь, и все-все... А иногда вдруг кажется, что вообще ничего не будет...

– Как? – спросила я, и у меня мурашки побежали по телу.

– Мне иногда кажется, что я... скоро умру!

– Матильда, прекрати!

– Нет, правда... Иногда мне так кажется!

– Естественно! А как может быть иначе? Ты же живешь в ожидании счастливых перемен, так, наверное, всегда бывает, когда ждешь чего-то очень важного, счастливого, всегда кажется – ну, обязательно что-то случится, потому что такого счастья быть не может, просто по определению! А потом ничего плохого не случается и настает этот долгожданный день... Ты вспомни, вспомни, как ты ждала поездки в Париж и в Италию, тебе тогда тоже все время казалось, что непременно что-то плохое случится. Но ведь не случилось же! И ты попала в Париж и в Италию. Так и теперь... Я отлично помню, как ты даже в самолет садиться боялась, все тебе ме-

решилось, что не можешь ты до Парижа живая долететь!

– Да, правда, – обрадовалась Мотья. – Это, наверное, у меня натура такая дурацкая...

– Вот именно, дурацкая твоя натура!

И мы опять засмеялись.

– Моть, ты подумай, а я ведь никак Митьке с Костей не позвоню... Вчера мне папа скандал закатил...

– Почему?

Я в общих чертах рассказала ей о разговоре с папой и тетей Липой. Мне хотелось отвлечь подружку от мрачных мыслей, но у самой в сердце шевелился червячок сомнения. А вдруг Мотькина интуиция ей что-то подсказывает? Вдруг ей и в самом деле грозит какая-то опасность? Однако я старалась отогнать эти нехорошие мысли...

Мы уже вышли на Цветной бульвар.

– Аська, давай пойдем по бульвару, там снег вон какой чистый!

– Давай, – согласилась я.

Мы подошли к переходу, ступили на проезжую часть, в это время машин было мало, улица неширокая, зажегся зеленый свет пешеходам, и вдруг откуда не возьмись выскочила небольшая красная машина. И она летела прямо на тротуар... на нас. Мы чудом успели отскочить, в подворотню, а машина унеслась, несмотря на красный свет.

– Псих ненормальный! – закричала Мотья. – Ездят всякие! Идиот! Он же нас чуть не задавил. Наверняка пьяный

или под кайфом! И такие за руль садятся, – ворчала Мотька. – Аська, ты здорово испугалась, да?

– Еще бы! Стоишь на тротуаре, а на тебя машина мчится, испугаешься тут!

– Ладно, пошли! По бульвару хоть машины не ездят!

До дому мы добрались благополучно, да еще встретили по дороге Макса Гольдберга, который страшно удивился при виде меня, но зато проводил нас до дому.

Дома все набросились на меня с расспросами о Матильдиной игре. Даже папа сменил гнев на милость. Я подробно все рассказала, умолчав, естественно, о нашей пешей прогулке. Уже лежа в постели, я закрыла глаза и вновь увидела несущуюся на нас красную машину. А еще – падающую с крыши сосульку. Хотя других сосулек на этой крыше не было. Не слишком ли много для одного дня? А если еще учесть вчерашнюю весьма странную историю с Гулей... И вдруг я похолодела. А что если все это – звенья одной цепи? Но какой? Кому мы нужны? И ведь опять все началось с моим приездом! Значит, кто-то хочет меня убить? В этом, кстати сказать, не было бы ничего странного. Я стольким мерзавцам перешла дорожку... Хотя, почему именно я? Наверное, мы с Мотькой. И если сосулька и красная машина угрожали нам обеим, то история с отравлением могла относиться только к Мотьке... Тогда, выходит, что покушаются на Мотьку? А впрочем, это может быть простым совпадением... И одно к другому не относится. Кому в театре может быть нужно по-

кушаться на Мотьку? Бред!

Ни одна из актрис, занятых в спектакле, не могла бы претендовать на ее роль пятнадцатилетней девчонки. Да и вообще это бред! Нет, театр тут, конечно, ни при чем. Это кто-то из тех, кого мы разоблачили... Их много, быть может, кто-то из них вышел раньше срока или по амнистии и решил свести с нами счеты. Скорее всего... Но мы за два года распутали добрых полтора десятка разных дел... Если бы знать, кто это, можно было бы что-то придумать. Меня трясло. О мне не могло быть и речи. И, главное, я должна справиться со всем этим в одиночку. Матильду нельзя сейчас волновать, у нее и так нервы ни к черту. Мальчишки наши заняты в своих институтах, у них скоро сессия, и они даже при всем желании вряд ли смогут помочь. Оставался только Валерка. Он надежный, с ним можно в разведку идти... Итак, решено, завтра с утра позвоню Валерке, пока он не ушел в школу. Но сейчас надо постараться хладнокровно все обдумать. Итак, наше первое дело. Узкоплечий и Шапка. Нет, они, конечно, даже не подозревают о нас. Да и сроки у них порядочные, как-никак торговля наркотиками. Далее – история с бомбами для банкира Феликса Ключевского. Там один из преступников слинял в Южную Африку, а его жену посадили. Вот она вполне могла бы выйти на свободу и, конечно, вполне могла бы захотеть свести счеты... Я выскочила из постели, взяла лист бумаги, ручку и написала Д. 2 (дело второе). Третье наше дело – контрабандист Вальчик в Израиле. Малове-

роятно, что его выпустили. Четвертое дело... Собственно, там было два дела. Как говорят теперь – два в одном! Фальшивый папа Людки Кошелевой со своим дружкой адвокатом и Степан Чобану, незадачливый ухажер Митькиной сводной сестры. Вот они-то все отлично нас знали. Возле букв Д. 4. я поставила два крестика. Д. 5. Федор Тихонович! Он на свободе, прошло почти полтора года, он вполне мог вернуться и захотеть отомстить мне. Запросто! Д. 6. История с синей папкой. Ну, это вряд ли... Я даже крестик не поставила. Д. 7. Четыре тетки-жульницы. Мы им, конечно, попортили коммерцию, но на такое они не пойдут, не тот стиль... Д. 8. Коричневые ампулы. Нет, это тоже не то... Главные преступники о нас даже не подозревали. Да и вообще, там засветился только Валерка. Потом дурацкая история с перстнем, и опять-таки о нас знал только Илюша. Отпадает. А вот история с медным кувшином... Да, там многие могли бы заинтересоваться нами... Так же, как в агентстве «Путь к славе»... Одним словом, мы нажили себе немало врагов! А тут еще и найденные Степанидой доллары. Да, не слабо! Ох, дожить бы до утра, позвонить Валерке, хоть с кем-то поделиться, облегчить душу. А кстати, если это кто-то связанный с агентством «Путь к славе», почему они не прикончили меня в Париже? И откуда они так быстро узнали, что я уже в Москве? Или им непременно нужно ухлопать нас вдвоем с Мотькой? Так сказать, одним ударом? И ударом как бы случайным. Подумаешь, упала с крыши сосулька. Кого тут заподозришь? Мож-

но, конечно, привлечь к ответственности дворника, директора театра, техника-смотрителя, но это же не то... Правда, трудно предположить, что одна сосулька прихлопнет сразу двоих. Вот одна машина на большой скорости может двоих сразу сбить, это запросто! Черт, я даже номер машины не заметила с перепугу. Но это точно была иномарка, ярко-красная, небольшая. Вероятно, увидев эту модель, я ее узнала бы. Но пойдی найди в Москве неизвестно какую машину с неизвестно каким номером. Однако мотивов убийства – до фига и больше! И тут вдруг мне вспомнился ревниво-неприязненный взгляд, который бросила на Матильду Елена Викторовна Коноплева. Ну, бред! От неприязненного взгляда до убийства – путь неблизкий. И если бы все неприязненные взгляды приводили к убийству, на свете уже не осталось бы ни одного человека. Ни одного! Но я почему-то упорно возвращалась мыслями к Коноплевой. Но ведь это смешно! С какой стати знаменитой актрисе убивать какую-то девчонку. Да и не зарабатывают у нас артистки столько, чтобы заплатить киллеру. Боже, что я нагородила! А скорее всего все мои умозаключения – чистейшей воды глупость! Почему, собственно, не могла остаться на крыше одна-единственная сосулька? Могла! История с отравлением Гули – ерунда! Ей нечем было отравиться, не водой же... Да и анализы никакого яда не показали, просто ей стало плохо, а врачи не понимают, в чем дело. А что касается красной иномарки, то мало ли по Москве ездит психов или пьяных лихачей. Придя к та-

кому выводу, я повернулась на другой бок и вскоре заснула.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.